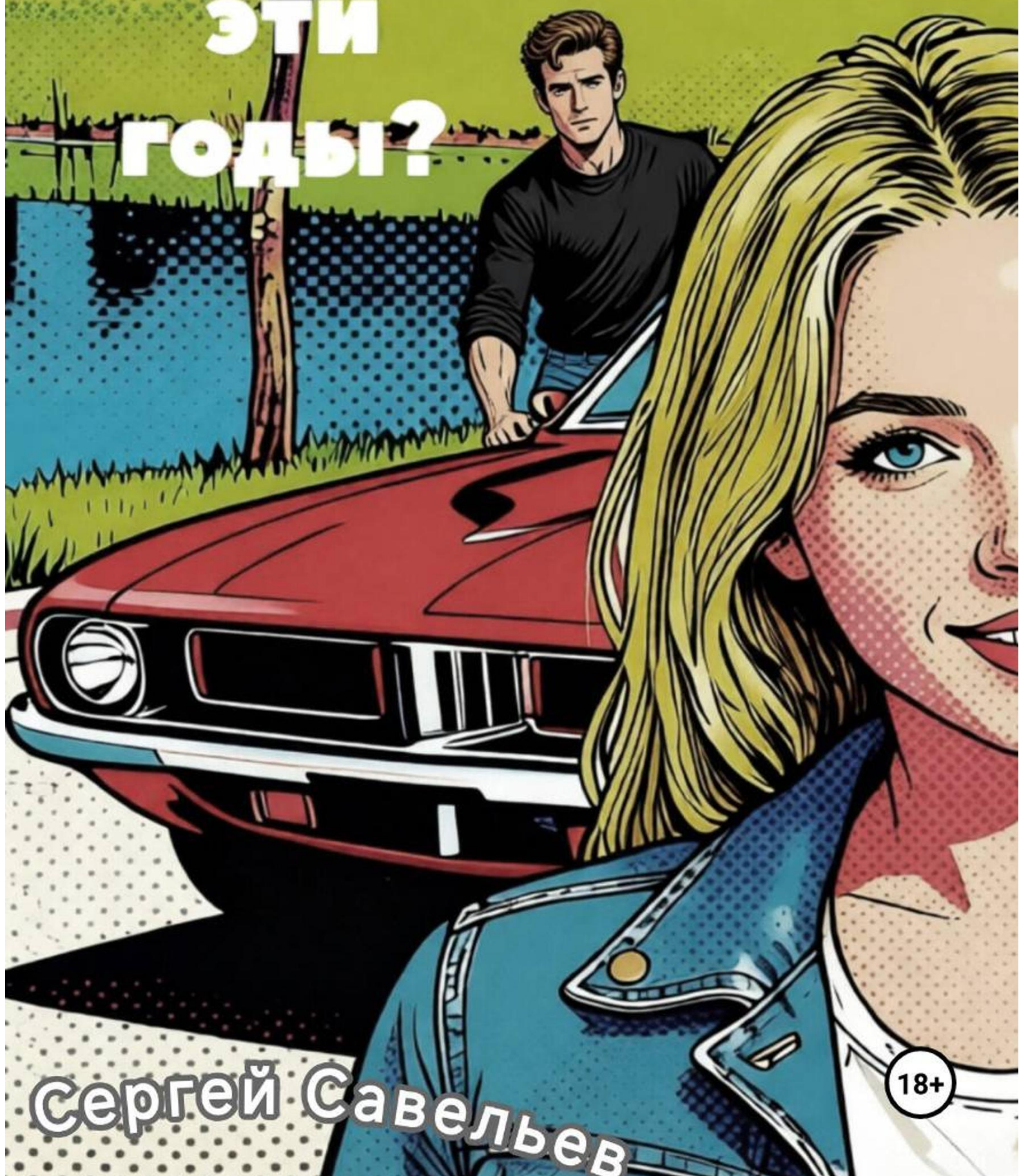

Где ты была все эти годы?

Сергей Савельев

18+

Сергей Савельев

Где ты была все эти годы?

«Автор»

2026

Савельев С.

Где ты была все эти годы? / С. Савельев — «Автор», 2026

Могла ли случайная встреча в застрявшем лифте стать билетом в счастливое будущее для Евы Тихомировой – талантливой актрисы, чья душа с детства изранена родительским отчуждением и жестокостью? Мужественный Александр возвращает ей веру в любовь, но идеальный фасад благополучной московской семьи Евы скрывает слишком много фатальных грехов. Эгоизм сестры, нарциссизм отца и подлое финансовое предательство брата втягивают молодоженов в безжалостный криминальный капкан. Сможет ли зародившаяся в тени чужих преступлений любовь выдержать роковой удар, и какова цена спасения тех, кого ты пообещал защищать до последнего вздоха?

© Савельев С., 2026

© Автор, 2026

Сергей Савельев

Где ты была все эти годы?

Г д е т ы б ы л а
в с е э т и г о д ы?

спроси меня, и я отвечу...

роман

«Где ты была все эти годы?»

спроси меня, и я отвечу...

Могла ли случайная встреча в застрявшем лифте стать билетом в счастливое будущее для Евы Тихомировой – талантливой актрисы, чья душа с детства изранена родительским отчуждением и жестокостью? Мужественный Александр возвращает ей веру в любовь, но идеальный фасад благополучной московской семьи Евы скрывает слишком много фатальных грехов. Эгоизм сестры, нарциссизм отца и подлое финансовое предательство брата втягивают молодоженов в безжалостный криминальный капкан. Сможет ли зародившаяся в тени чужих преступлений любовь выдержать роковой удар, и какова цена спасения тех, кого ты пообещал защищать до последнего вздоха?

Сергей Савельев
Глава I

Обрывки нежности она собирала
Тысячи дней и ночей,
Ласка – то, что с кем-то бывает,
Но, увы, не с ней.

1994 год, Москва.

В два часа ночи на пересечении Ломоносовского и Ленинского проспектов во двор дома № 70/11 с завыванием сирены врывается автомобиль скорой помощи Mercedes T1 210. Ключнув носом от резкого торможения, машина начинает покачиваться от спешно покидающих салон медиков, снаряжённых медицинскими чемоданчиками.

В одной из квартир семья Тихомировых не спит: мать Лилия разбудила одиннадцатилетнюю Люду, шестилетнюю Еву, чтобы попрощаться с умирающим отцом Всеволодом. Трёхлетний сын Вениамин спал в отдельной комнате. Во сне отца застал очередной сердечный приступ: проснувшись в страхе, он чувствовал боль в груди и тяжёлую одышку, его сознание застелила паника.

Семья жила в ожидании очередного сердечного приступа, как все думали – последнего и рокового, отчего мать снова и снова будила детей, чтобы навсегда попрощаться с отцом (приступы, как правило, случались ночью). Каждый раз приезжающая скорая помощь делала укол и уезжала, или же увозила больного в приёмное отделение, но всё, в конечном счёте, заканчивалось хорошо и отец возвращался домой.

В этот очередной раз, когда Всеволода увезли в больницу, в доме царила горькая атмосфера: мать не спала, обняв Люду, малыш Веня мирно сопел, а Ева притворялась, что засыпает,

но на самом деле сейчас, как и всегда в таких случаях, она чувствовала страх, смешанный с тоской по отцу, её горло сковывало ожидание безысходности грядущей потери. Ева не хотела реветь и плакать напоказ, отпустив на волю все свои горькие чувства. Она не любила, чтобы её слёзы кто-либо видел, а просто отворачивалась к стенке, прижимала к лицу одеяло и плакала.

По прошествии лет, когда дети выросли, лечение возымело действие, приступы давно прекратились и сейчас Всеволод жил полной жизнью без страха её потерять.

Что до его характера, то сейчас будет достаточно понимания одной ключевой черты, которую можно описать так: он выстроил себе воображаемый хрустальный дворец из зеркал самолюбования, где выставлены отполированные фантазиями его достижения, статусы, таланты. Они – словно эталонные образцы сияют, и оживают только лишь в лучах внимания окружающих. Но стоит заглянуть за эти зеркальные витрины, то вы столкнётесь с дуновением льда.

Внешность была логичным продолжением его нрава: Всеволода взгляд был чаще похож на крепость, отворить врата которой – та ещё нетривиальная задача. В прозрачно-серых глазах не было видно глубины, хоть они и были светлы, они не отражали ни тепла, ни лёгкости мыслей. К своему возрасту Всеволод нисколько не облысел, но почти полностью поседел, благородный иней седины в густых волосах только украшал его зрелый возраст, придавая ещё большего благородства внешности.

Он владел среднего уровня бизнесом, который поднял с нуля в начале двухтысячных. Его компания специализировалась на производстве мраморной штукатурки, «гибкого камня» и других материалов для фасадного декора зданий, фирма работала, в основном, с заказчиками московского региона, и, надо сказать, дела шли неплохо.

Всеволод уже давно увлекался охотой, в особенности он обожал зимнюю охоту на кабана в охотничьем хозяйстве под Волоколамском.

Как же долго он этого ждал! Его сердце застучало чаще, а звуки зимнего леса обрели кристальную чёткость. Все посторонние мысли в голове Всеволода исчезли мигом, и его тело стало частью крупнокалиберного североамериканского карабина Marlin Model 1895.

Указательный палец медленно, но с уверенностью, лёг на спусковой крючок, а сердце билось неровно, как будто спотыкаясь о волнение и страх потерять что-то крайне важное. И это было не похоже на прежнего Всеволода, не привыкшего проигрывать. Тем временем, матёрый секач стоял как вкопанный в как будто раскаленном от напряжения глубоком снегу, словно почуяв близкое и неотвратимое «всё кончено».

Наконец, оглушительным ударом выстрела сгустившаяся зимняя тишина леса была разорвана, вепрь тут же сбежал прочь, а сам Всеволод упал на снег, прижав к груди одной рукой карабин, а другой наспех пытался сорвать с шеи тёплый шарф – резкая боль и жар ударили в грудь, сдавив дыхание, сердце стучало, но хаотично и не в такт. Его спину и лёгкие сдавило тисками, дыхание становилось всё тяжелее и чаще, а боль – глубже, «неужели опять сердце?!» – мимолётно пронеслось в голове.

Впервые за долгое время, с окончанием давних сердечных приступов, Всеволода снова охватила паника, он не испытывал этого чувства лет двадцать.

Отдышавшись, и придя немного в себя, он понял, что необходимо оповестить о случившемся Еву, его дочь, ведь он тут один, и, случись ему потерять сознание – будет лежать в снегу, и если не умрёт от сердечного приступа, то здесь он либо замёрзнет, либо просто будет съеден дикими зверями на этом овсяном поле.

Он нащупал во внутреннем кармане охоткостюма смартфон, с большим трудом разблокировал экран мокрым отпечатком пальца, нашёл контакт дочери и нажал «вызов».

В этой стрессовой ситуации Всеволод, ни секунды не думая, ищет контакт дочери, которую почти никогда не хвалил, не восхищался её успехами, пусть и не такими большими или значимыми как ему всегда казалось. Сейчас, столкнувшись с внезапным страхом смерти и ока-

завшись один вдаль ото всех, он вспомнил о ней, а не о жене Лилии или старшей дочери Людмиле, а о Вениамине – тем более...

Уровень сигнала был на минимуме, хотя Всеволод находился не так уж далеко от Москвы. После долгой паузы начались гудки, которые, казалось, длились вечно, наконец-то, Ева взяла трубку, не дождавшись её ответа, Всеволод застонал:

– Дочь, мне плохо... – пробормотал он. К этому моменту боль в сердце уже почти отпустила.

– Пап, где ты?! Что с тобой случилось?! – громко и быстро проговорила Ева. Ощущение, что кто-то рядом на связи, прибавляла ему сил, и уже немного наигранным тоном он продолжил:

– На охоте, тут темно, сердце что-то прихватило... И я промахнулся, ё-моё.

– Я выезжаю к тебе! Пап, ты можешь идти? У тебя есть с собой валидол или что-то от сердца?

– Нет у меня ничего...

– Так, аккуратно постарайся дойти до администрации, а я сейчас вызываю скорую, до администрации далеко? Ты сможешь дойти? Только, аккуратно, прошу тебя!

– Да, дойду я, мне уже лучше, не надо мне скорую, всё равно всё впустую, вепрь мой испарился, надо ехать домой... бл... промазал, идиот...

– Пап, ну какие сейчас кабаны! Прощу тебя, иди к администрации, сейчас там врач будет, сделают укол, кардиограмму, это же может повториться!

– Всё! Сказал тебе, что нет! Не перечь! Мне лучше уже. Сяду в машину – наберу – выдал в трубку отец уже раздражительным тоном, начавшим нагло вытеснять недавнюю слабость в теле, смешанную со страхом миновавшего сердечного приступа.

– Пап, иди к машине тогда, жду от тебя звонка – ответила дочь с привкусом легкой горечи в голосе.

Он почувствовал, что давящая боль и жар в груди отступили и спокойно нажал кнопку сброса вызова, ничего не сказав напоследок.

Ему не хотелось вставать и идти. Лёжа на снегу в своём маскировочном охоткостюме он вгляделся в яркую звезду на потемневшем от сумерек синем декабрьском небосводе: «Как далеко и близко эта большая звезда, – прямо как моя добыча, которую сегодня я упустил» – подумал он и начал медленно подниматься, чтобы идти к машине.

Поднявшись и небрежно отряхнув одной рукой снег с карабина, затем с костюма, Всеволод вскинул карабин на правое плечо и неторопливо пошёл в сторону администрации охотхозяйства, – «пора домой» – прошептал он себе под нос, смирившись, наконец, с обстоятельствами. Через сорок минут он уже сидел, греясь в своём Lexus LX 570, большой мотор быстро прогревался, отдавая тепло в салон. Селектор коробки передач был быстро переведён в режим «драйв» и машина мягко, но уверенно тронулась с места. Он и думать забыл сделать звонок дочери, оповестить её, что всё хорошо, и он благополучно добрался до машины. Тем временем она сама ему названивала уже минимум полчаса, натываясь на гудки «абонент вне зоны действия сети»: аккумулятор его смартфона давно сел и аппарат отключился. Когда Всеволод это случайно заметил, выронив смартфон из кармана на сиденье, то вспомнил про обещанный звонок и подключил его заряжаться.

«Ззззз-ззззз» – раздались вибрации телефона:

– Алло! Я уже думала, что всё плохо, у тебя не работает телефон! Сам не звонишь, и я не могу дозвониться! – прокричала Ева в трубку.

Уже оправившись от стресса и придя в себя, он спокойно и, как ни в чём ни бывало, ответил:

– Дочь, всё хорошо...

– Папа, я уже не знала, что думать!..

– Спокойно! он просто разрядился, я выехал в отель, до Москвы сейчас не хочу ехать, тут недалеко есть отличный отель, мы в том году там останавливались, там и медпункт у них есть, если что, – проговорил быстро отец, пытаясь поскорее закончить разговор, нежели успокоить взволнованную Еву.

– Только позвони, когда будешь в отеле, пожалуйста! Хорошо? – уже спокойно сказала дочь.

– Хорошо – согласился отец и сбросил вызов.

Приехав в отель, Всеволод снял одноместный номер на сутки, ему повезло, что в наличии были свободные номера. Когда он принимал душ, его смартфон жужжал и ползал по стеклу журнального столика, вибрируя от навязчивых звонков Евы. Выйдя из душа, он выпил воды, и, как обычно, не проверив телефон, лёг на большую белую кровать с упругим, но очень комфортным матрасом, укрылся толстым, воздушным одеялом, которое не придавливало, а наоборот – еле касаясь тела, согревало, Всеволод чувствовал запах чистоты от белого как свежий и рыхлый лесной снег белья, закрыл глаза и уснул.

Наутро Всеволод чувствовал себя отлично, о вчерашнем приступе ничего не напоминало. Он спустился на цокольный этаж в ресторан отеля для завтрака – он был очень голоден, ведь последний раз он что-то ел лишь вчера днём, остановившись на заправке по дороге на охоту. Взяв большую белую тарелку, он набирал в неё всё, что попадалось под руку, как вдруг в кармане завибрировал телефон – звонила старшая дочь Людмила (ей на днях скоро исполнится 43 года), Всеволод наспех нашёл свободный столик, поставил на него уже наполненную тарелку, и ответил на звонок:

– Да, доча – сдержанно проговорил он.

– Пап, привет, ты сейчас где? Как дела? – бодро выдала Люда, – Слушай, пап, у меня же скоро день рождения, ну ты же помнишь... Ну вот, мы с Маней нашли очень недорогие путёвки...

– Ну, говори, куда намылились опять? – перебил её отец, поняв, с какой целью звонит Людмила.

– На Сэйшелы, пап, но ты не думай, мы нашли с большой скидкой! – она поспешила заверить отца.

– Ладно-ладно, говори уже, сколько там? – небрежно произнёс отец, пытаясь не затягивать «удовольствие» от очередных расшаркиваний Люды.

– Пап, всего на двоих выходит четыреста семьдесят тысяч, ну пятьсот... Это с учётом скидки! – пропищала задорно Людмила.

– Ладно-ладно, переведу сейчас... – самодовольно и не без гордости за себя сказал Всеволод.

Людмила была не замужем, то есть, уже не за мужем. То был ранний брак «по приколу» с однокурсником Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, они вместе учились на дневном отделении факультета иностранных языков и регионоведения по направлению «межкультурная коммуникация», им было тогда по двадцать лет.

Внешность молодой студентки Люды была интересной и для многих красивой, при этом, не лишённой тени эпатажа: стройная фигура среднего роста, аккуратная и дорогая одежда, часто ярких цветов, провоцировали даже равнодушных прохожих задержать на ней оценочный взгляд. Смелый макияж, порой, вызывал возмущение преподавателей (особенно зрелого возраста). Её лицо с точёными чертами лба, губ, носа и подбородка было украшено большими синими глазами, поэтому фотографии Люды можно было ставить в Главную палату мер и весов. Тёмные волосы чуть ниже плеч она часто собирала в хвост, но так, чтобы они прикрывали её аккуратные уши. Апогеем шарма в её лице были торчащие волосы из чёлки как маленькие антенки.

За студенткой Людой многие пытались приударить, и даже ухаживать, но нет – ей никто не нравился, пока на четвёртом курсе в параллельную группу не перевёлся тот самый новый студент Роман, за которого она вышла замуж сразу после окончания университета.

Они познакомились двадцать три года назад (в 2003 году) в небезызвестной забегаловке McDonald's, учась на четвёртом курсе, хотя видели друг друга и ранее, но оба не решались заговорить. Но вот, по случаю отмены двух пар, студентам нужно было как-то скоротать два часа свободного времени, все тогда разбрелись кто куда: кто-то отправился в бильярд, кто-то зависать в деканате, жажда услышать или поучаствовать в университетских сплетнях, ну и, конечно, многие потянулись в Макдак, где в тот день они и встретились за общим столиком с кофе и молочными коктейлями.

Видя, что Рома с другом сидят одни за столиком, а она как раз с подружкой, Люда решила – «будь что будет, спрошу, не занят ли у них столик...». На её вопрос удивлённый Рома не смог ничего ответить, растерявшись, но смог промычать смущённое «угу», глядя ей в её большие глаза.

С этого момента их захлестнуло юношеское влечение. В перерывах между парами они почти всегда были вместе, как будто их притягивал один общий магнит, он был такой мощный, что когда они приближались друг к другу, то плавился воздух вокруг, и им становилось жарко... Волнение первых объятий обрушивалось на них обоих лёгкой дрожью.

Во время больших перерывов они прятались на ступенях чердачной лестницы, закрывались в пустых аудиториях, где не было окон. По вечерам гуляли по парковым зонам Москвы, находя тихие и безлюдные места. В потрёпанных временем и уличными гонками Жигулях Ромы они могли долго и бесцельно лежать и смотреть глаза в глаза, внезапно хихикая или улыбаясь, потом замолкали, поочерёдно поджимая уголки губ, затем снова смеялись – а смеялись они то от взаимной щекотки, то сами не знали от чего. Ими не двигала никакая цель, их влекли в одну точку страсти – влюблённость и жажда контакта.

Два горящих сердца никогда не размышляли и не придумывали себе занятий и развлечений – занятия и развлечения находили их сами, – они обрушивались на них как ливень после жаркого дня, или мигалки гаишников в зеркале заднего вида.

Однако эти все океанские штормы были давно в прошлом, Людмиле и Роману довольно скоро наскучили бытовые скандалы, горькие и колючие спесивые плоды, которые приходилось им собирать с их пластмассового дерева любви.

Они без проблем развелись, так как детей они так и не захотели, придерживаясь всегда гедонистического стиля жизни по схеме «всё беру – ничего не отдаю». Их отношения застоялись как вода в болоте, которое замкнуто только на себе.

Сейчас, уже давно взрослая, Людмила вела свободный от семьи образ жизни, придерживаясь тех же принципов. Она работала в своё удовольствие на фрилансе, оказывая услуги по переводу текстов с испанского и итальянского языков, и всегда могла рассчитывать на финансовую поддержку отца. Отец всегда был благосклонен к старшей дочери и это было заметно ещё с её детских лет.

Когда в 1983 году родилась Люда, Всеволод был настолько рад и счастлив своему дебюту в качестве отца, что придумал необычный подарок для дочери «на вырост»: он взял пустую бутылку из-под шампанского, которое было распито у роддома, заботливо ополоснул её проточной водой, высушил, купил газету «Правда» от даты её рождения, аккуратно скрутил её, поместил в бутылку. Также в бутылку были опущены записки с пожеланиями новорождённой дочери от родителей и друзей, испанская монета Дублон 1840 года, которую когда-то Всеволоду подарил друг-одноклассник (монета была очень дорога Всеволоду, и он хотел, чтобы она досталась дочери), – бутылка была надёжно запечатана пробкой и облита сургучом. На саму

бутылку он наклеил тетрадный лист, где было написано: «Любимой Людочке от родителей и друзей – в день её шестнадцатилетия!». Подарок должен был быть спрятан надёжно, но Всеволод ничего не придумал, кроме как убрать «капсулу из прошлого» на квартирную антресоль – в самый дальний угол.

Наступил 1999 год и об этом подарке на день рождения чуть было не забыли, но отец вспомнил о нём, когда гости уже собирались расходиться от праздничного стола. Он достал высокую стремянку, так как антресоль, где лежала капсула, располагалась под самым потолком, а потолки в сталинских домах были не низкие. С трудом вытащив пыльную бутылку, начинённую артефактами, он с удовольствием понёс её в зал, где сидели гости, сама именинница Люда, её младший восьмилетний брат Вениамин и средняя сестра – одиннадцатилетняя Ева.

Когда гости и дети начали спрашивать отца – что же это такое и откуда эта старая запечатанная бутылка и что всё это значит? То Всеволод гордо и медленно ответил, смахивая с бутылки пыль прямо на ковёр:

– А это, дорогие мои, подарок от меня Людочке, он из далёкого, какого вы думаете года?! – довольно проговорил отец и сам же ответил:

– Правильно – из 1983 года! – заключил он и все тут же захлопали – Там очень много интересных вещей и посланий прямиком из того самого дня, дня твоего рождения, дочь! – снова гости зашумели, проявляя, казалось даже, искреннее удивление.

Всеволод весь так и сиял, купаясь в восторгах гостей, спровоцированного экстравагантным подарком.

Тем временем, на противоположной от Всеволода стороне стола, не ожидая к себе внимания, сидела дорого одетая женщина, тридцати пяти лет, и весь вечер молчала, это была жена Всеволода – Лилия, имевшая в девичестве фамилию Агафонова.

Когда младший Веня убежал играть в свою комнату, то неожиданно для всех раздался голос одиннадцатилетней Евы:

– Пап, а мне такой подарок тоже приготовлен, да? – с детской и немного наивной надеждой в голосе спросила она.

В гостиной повисло мгновение странного и неожиданного никем молчания, всего один миг, одна-две секунды – но они показались Всеволоду минутой, он был в некоторой растерянности, но всё же быстро сориентировался и проговорил:

– Ева... у тебя будет шикарный подарок...

Сейчас, когда Людмиле не хватало денег на траты, то она или просила помощи у отца, который крайне редко отказывал ей, или открывала в любом банке кредитную карту с беспроцентным лимитом по сроку возврата средств, но часто в таких случаях она нарушала сроки возврата долга и снова звонила отцу с просьбами о деньгах.

И вот опять Людмиле понадобились деньги (в этот раз на закрытие кредитки в 150 тысяч рублей), отец долго не отвечал на звонки и терпение Люды не выдерживало «этой невыносимой неопределённости». Неотвратимое намерение получить желаемое прямо-таки заставляло Людмилу жертвовать своим комфортом, прося денег у матери. Она решила позвонить ей, и это была крайняя мера, так как Лилия, если и могла помочь ей с деньгами, то это – не наверняка и не быстро. Людмила часто оказывалась в ситуации «мне срочно нужны деньги!». Как говорится, богат тот, кто беден желаниями, если желания – не мотивация для заработка.

Прислонив смартфон к своему напряжённому лбу, она закрыла глаза, морально готовясь к долгому разговору, затем, с укором постучав им себе по голове, решила, наконец, нажать «вызов». Лилия ответила очень быстро:

– Алло, доченька, привет! – мягко ответила мама.

– Привет, мам, как у тебя дела? – начала разговор Люда, предвкушая долгую беседу.

– У меня? Ты знаешь, как обычно всё. На пробежке была, потом пыль вытирала, всё-таки, ой, – вздохнула она, – кот дома – это шерсть всегда и везде! Но как же я обожаю своего

мохнатого толстячка! Ты, знаешь, не представляю уже, как я без него жила раньше. – протяжно и с улыбкой сказала Лилия.

– Мам, слушай, у тебя сейчас можно одолжить немного денег? – вкрадчиво спросила Люда.

– Ты расскажи сначала, как у тебя там, какие планы на день рождения, где и как планируешь отмечать? – еле дослушав, спросила мать, теперь уже точно и окончательно поняв мотив звонка дочери. По её голосу можно было понять, что она чуть поменялась в лице и пыталась сменить тему.

– Да, мы с Маней нашли путёвки классные, на Сэйшелы, четырнадцать дней на двоих... – неуверенно ответила Людмила, уже чувствуя, что разговор не задался.

Лилия долго расспрашивала дочь: сначала на отвлечённые темы, далёкие от сути вопроса. Она рада была разговаривать с уже давно выросшими детьми, поэтому ей хотелось верить (вплоть до самообмана), что дети звонят или приезжают к ней не только просить денег, но и из-за того, что соскучились и хотят поболтать, повидаться. Подобный разговор мог изрядно затянуться, но, когда темы всё чаще и чаще косвенно или напрямую вновь касались денег, то Лилия менялась в голосе, её тон становился отрывистым и горьким, порой, было слышно в трубке, как она тихо плачет.

После некоторой паузы Лилия негромко спросила:

– А... Кстати, как обстоят дела с твоими заказами на переводы?

– Мам, заказы есть, регулярные даже, и иногда очень серьёзного объёма, так что... – придумывала она на ходу, приукрашивая реальное положение дел со своим заработком, – Мам, мне нужно сейчас сто пятьдесят тысяч, но я отдам!

– Скажи! зачем тебе нужно столько денег? И для чего прямо сейчас? – уже громче спросила мать.

– Карту закрыть, иначе проценты набегут... – подавленным безысходностью голосом сказала она.

– Я даю тебе эти деньги, но знай, Люда, – больше на погашение твоих долгов у меня денег нет! Прости. – заключила Лилия и Люда тут же пропищала:

– Мамуля, спасибо! Обожаю тебя! Жди, я скоро заеду к тебе. Целую! – и сбросила вызов.

Лилия жила в режиме ожидания, уже не зная, чего и кого ждёт, как одинокая орхидея в стеклянной колбе, лишённая связи с внешним миром, только в её случае она была лишена настоящей любви и внимания.

Она любила одеваться весьма дорого, но в разных стилях, не выходящих за рамки её возраста, – часто с яркими акцентами, очевидно, для того, чтобы её замечал муж. Но он, как правило, смотрел как будто сквозь неё, постоянно о чём-то или о ком-то думая. Лилия этого не хотела игнорировать и в таких случаях переспрашивала мужа: «Повтори. Что я сейчас сказала?!» Но Всеволод, благодаря ещё звучащим до этого в его ушах словам Лилии, мог повторить лишь два-три слова из сказанного, и тогда получал в свой адрес раздражённую тираду: «Нет, ты меня не слушал! Ты повторяешь на автомате отдельные слова! Сути сказанного ты не понял». Тогда ему становилось немного неловко, но это лёгкое чувство вины перед женой быстро вытеснялось раздражением, и начиналась словесная перепалка, или молчаливые обиды с разводом по разным комнатам.

Лилия часто срывалась на мужа по мелочам, невольно вымещая досадную горечь, которая питалась тающей надеждой на его к ней внимание и любовь. Когда ещё их дети были маленькими, она замечала и чувствовала, как супруг отстраняется. В минуты близости она ощущала по его прохладному взгляду и формальным прикосновениям, что мысли и чувства Всеволода далеки от их единения, словно он был где-то или с кем-то даже во время секса, которого у них, впрочем, не было уже много лет.

Когда у Лилии обострялась астма, то ухудшение её состояния могло длиться до двух недель. При этом известные астматические симптомы сопровождались нестабильным психо-эмоциональным состоянием, повышенной раздражительностью и слабостью, ухудшением сна. В эти сложные периоды Ева практически жила у матери, старшая дочь и сын не появлялись в гостях у родителей, а матери даже не звонили.

Она, находясь, по сути, в отвержении мужа как женщина, была довольно строгого нрава по отношению к детям. Был, например, такой случай, иллюстрирующий, прямо скажем, жестокое отношение.

Дело было зимой, на улице кружила вьюга. Когда Люде было девять, а Еве всего-то четыре года – они частенько дрались, не слушались родителей, как это часто бывает. Люда хотела отстаивать своё первенство старшей сестры, пытаясь иногда отобрать у Евы что-то сладкое или игрушку, первой начать качаться на качелях. Старшую сестру раздражало, что маленькая лезет туда, где интереснее и вкуснее, ведь это право, как она была уверена, принадлежало только ей.

Во время обычной потасовки двух сестёр, – в этот раз за право играть с куклой, – терпение матери закончилось как песок в часах, и она заставила детей собирать себе сумку с детской одеждой. Ища, во что детям одеться на улицу, Лилия раздражённо приговаривала:

– Ну что? Не слушаетесь? Ну, хорошо... вот теперь будете не слушаться в детском доме. Там вас обеих научат уму-разуму... Сдам вас в детдом! Живите там теперь...

Маленькая Ева не сразу осознала смысл сказанного и просто начала складывать в сумку свои игрушки. Когда мать это увидела, она начала одёргивать её:

– А ну-ка, почему ты игрушки собираешь, а?! Их купили мы, оставь их! Тебе вещи нужно собирать!

Но малыш Ева уже сложила почти полную сумку игрушек.

Затем доверчивые дети осознали то, куда их посылают и куда они собираются. Поскольку они верили матери – их охватил настоящий ужас. Маленькая Ева впала в оцепенение, её глаза налились слезами, а губы задрожали... Она начала глотать воздух ртом и плакать. Ева почувствовала, как в эти секунды мама превратилась в предателя. В это время сестра Людмила, ещё какое-то время, даже препиралась с матерью, что ту ещё большее начинало злить.

Желая, всё-таки, проучить непослушных детей, как она была уверена – для их же пользы, Лилия выставила их из подъезда дома на мороз и сказала, указав рукой:

– Идите вон туда, там автобусная остановка! – и закрыла за ними дверь.

Время было уже около шестнадцати часов. Дети с сумкой игрушек в обнимку около двух часов сидели и, всхлипывая, мерзли на автобусной остановке, которая находилась прямо около дома. Они не провожали взглядом редко проезжающие машины и отъезжающие от остановки автобусы. Они и не знали, и не хотели знать – какой номер им ждать, и что теперь будет дальше? В их маленьких наивных детских головках роились вопросы: как вообще дальше жить? будут ли их навещать родители, или забудут совсем и даже не приедут?

Всё это время за ними в окно подглядывали родители, наблюдая как их дети «учатся уму разуму». Через два с половиной часа, наконец-то, показался отец и забрал домой детей, натерпевшихся страха, ужаса и мороза.

Когда сёстры выросли, то Люда, порой, припоминала родителям приёмы «эффективного воспитания». Но, Ева, хотя и вспоминала эти горькие эпизоды, она никогда не корила ими родителей. Как тонкая и ранимая натура она не хотела снова погружаться в такое прошлое.

Лилия смягчилась в характере только к более зрелому возрасту – когда дети съехали из дома, причём раньше всех покинула родительское гнездо Ева, устав от родительских упрёков и ожиданий – она переехала в общежитие ВГИКа. Тогда Лилия большей частью времени оставалась дома одна, Всеволод приходил домой поздно и уставший, он часто просто заваливался спать, не поужинав (хотя горячая и свежая еда всегда была готова к его приходу). Теперь де-факто одинокая Лилия была очень рада визитам детей.

Как уже говорилось, чаще всех к родителям заезжала Ева, чтобы помочь маме с лекарствами от астмы, или просто посидеть с ней, расспросить о насущном и поболтать на разные темы.

Отношения же Евы с отцом складывались по принципу «игра в одни ворота». Она была продолжением комфорта отца в любое удобное для него время, например, когда ему хотелось отдохнуть от охоты, посиделок в бане с друзьями или от каких-то поездок куда-то, о подробностях которых он никому не сообщал – ни жене, ни детям. Для Всеволода забота Евы была как воздух, – её не замечают, когда она есть, была фоном для его будней, но благодарность за неё была настолько скупа, словно это товар, которого нигде не достать. Отец воспринимал это как должное, при этом сила характера Евы его раздражала – он неосознанно чувствовал в ней упрёк своей властной натуре.

Одновременно с этим отец мог искренне восхищаться тем, кто громко заявлял о себе – старшей дочерью Людмилой, или историями о достижениях детей своих друзей, которых он иногда сравнивал или ставил в пример Еве. Сравнения с чужими детьми обижало Еву до самого дна её сердца, её глаза тут же невольно становились мокрыми, и она ладонью прикрывала лоб, чтобы никто не видел её глаз. В эту минуту Ева думала: «любит ли меня папа? Ведь если любишь кого-то – будешь ли сравнивать его с кем-то?».

Трагедия Евы, отчасти, заключалась в том, что она пыталась купить внимание отца валютой, которой в её семье не торговали. Она предлагала тихую преданность, а он ждал громких побед. Она дарила постоянство, а его взгляд выхватывал только яркие вспышки.

Однажды после обещания Еве пригласить её в совместную рабочую поездку в Италию Всеволод нарушил своё обещание, за день до вылета сказав ей: «Дочь, извини, но не смогу тебя взять, планы резко поменялись, потом как-нибудь слетаем. За билеты на самолёт не переживай», и завершил вызов, не желая ещё что-то объяснять. После этого случая Ева довольно долго злилась на отца, но негодование её отпустило, когда через пару дней он прислал ей в мессенджер сообщение крайне редкого содержания: «Золотце, прости». Чтобы до того момента отец просил у неё прощения, – она такого не помнила. И, конечно же, она написала в ответ: «Пап, всё хорошо, я люблю тебя. Пиши, звони, как ты там!», на что ответ от отца она уже не получила. Натываясь на равнодушие, Ева снова и снова успокаивала себя, строя целые оправдательные теории на основе редких проблесков и жестов отцовской благодарности и отзывчивости, это помогало ей справиться с подавляющим волю чувством отверженности, но ненадолго.

Поэтому, чтобы быть замеченной и оцененной родителями, Ева ещё со школьных лет твёрдо решила выбрать творческую профессию актрисы – после окончания средней школы она поставила перед собой цель поступить во ВГИК. Имея с рождения сильный характер и весомую мотивацию – она добилась своего, поступив на актёрский факультет по специальности «Артист драматического театра и кино». Её жизненным кредо был короткий девиз – «Всё или ничего».

Тем более, лицо Евы было просто создано для крупного плана и света софитов. Широко расставленные, миндалевидной формы тёмно-голубые глаза обрамляли густые и в меру длинные ресницы, тонкие брови придавали дополнительного акцента. Во время спокойного и безэмоционального молчания, или разговора, а также в моменты, когда Ева испытывала разные чувства – от боли и сожаления до удовлетворения и радости – очертания её рта всегда сияли женственностью: верхняя губа немного заострялась двумя бугорками, создавая выраженную «арку купидона» или изогнутый лук для стрельбы, нижняя губа была более полная и округлая, уголки рта – чуть приподняты, намекая на ласковую скрытую улыбку. Морщинки на щеках возле уголков губ «брали в кавычки» её рот.

Толстые на ощупь, но податливые волосы цвета зрелой пшеницы никогда не были распущены, а уложены в немного небрежную волну, каждый локон знал своё место, создавая образ энергичного творческого беспорядка. Они были её лучшим аксессуаром: хотелось смотреть и

смотреть, как она медленно и с нежной задумчивостью заправляла прядь волос за ухо, и размышлять о том, какие мысли её посещали в данный момент.

Скажем так, если геометрическую красоту сестры Людмилы можно было измерить, то красоту Евы можно было почувствовать.

Ева всегда держала выверенный баланс между строгостью в одежде, скромностью в макияже и взгляде, – и в то же время, она часто хотела подчеркнуть некоторыми деталями свою причёску или одежду если не броскими, то запоминающимся аксессуарами. Это, например, могли быть либо причудливая брошь на кофте, либо ободок на голове с каким-нибудь котёнком, составленным из камней, или кружевные рукава, обтягивающие её тонкие запястья, или шейные уборы в виде бантов, которые она носила с блузами и платьями.

При этом Ева не помнила, чтобы родители замечали её красоту и женственность. А, как известно, слова любви, сказанные отцом, для дочери крайне важны. Но он никогда не говорил ей таких простых комплиментов как: «ты у меня самая красивая», «твоя забота так мне дорога и важна!», также не было ободряющих слов «вот увидишь – у тебя все получится, ты имеешь право на выбор и талантлива в том деле, которое выбрала», наконец, Ева не слышала в свой адрес простого – «дочь, я так сильно тебя люблю».

К своим 38 годам Ева ещё не была замужем. В отличие от сестры и многих других девушек она не спешила с замужеством, не грезилась свадебными путешествиями и белыми платьями, хотя, и в её непростой биографии было место долгим эпизодам встреч и ухаживаний, но встретить «того самого» ей пока что было не суждено. Ведь дорогих сердцу людей не ищут, так как это бестолковое занятие, – их посылает Бог. И, кто знает...

Глава II

«...лучше иметь несчастливой
первую любовь, чем последнюю»
Г. Щербакова, «Отчаянная осень»

Ева думала только об учёбе. Ей нравились предметы «сценическая речь», «основы сценического движения», «танец» и «сольное пение». Её мысли не были заняты мечтаниями об отношениях с парнями, записками с тайными признаниями, переписками в смс-сообщениях, двусмысленными взглядами и поцелуями между занятиями, однако, на втором курсе началось интересное.

Она сидела на лекции по сценической речи. Обычно Ева внимательно слушала и конспектировала важные моменты тем по этому предмету. В тот день у них была замена и лекцию по теме «избавление от страха сцены» читала другой преподаватель, судя по всему, это был явно не её предмет: она монотонно мычала себе под нос и повторяла одно и то же разными словами:

– Вам нужно представить, что худший вариант развития событий уже произошёл, бояться больше нечего. Раз худшее позади – бояться уже поздно. И вам становится спокойно, вы расслабляетесь. Вы боитесь больше неопределённости, чем того, чего боитесь...

Многим наскучило занудство лектора, и Ева с соседкой по парте начали играть в «балду» – на листе они написали словно «сцена». Не успели они составить первое слово как Еву одёрнули сидящие сзади. Она вздрогнула от неожиданности и обернулась: ей передали аккуратно свёрнутую записку. Она шёпотом удивлённо спросила:

– Это мне?!

– Да! – так же тихо, но нетерпеливо ответили ей.

Она медленно взяла записку и, не глядя в неё, спрятала её в страницы учебника, не желая ничего афишировать окружающим. По окончании лекции она тут же вышла из аудитории,

прошла по коридору и вышла на улицу. Осмотревшись, она убедилась, что никто на неё не смотрит. Ева медленно достала сложенную записку. Она держала в ладони всего лишь обычный кусочек бумаги, но её сердце настолько было взволновано сладкой неизвестностью, что она просто стояла со свёрнутым посланием, развернув его примерно через минуту, затем прочитала: «Ева, твоё имя и твой нежный голос – они для меня как воздух, я без них не живу. Игорь». Игорь учился с ней в одной группе.

В этот день Ева несколько раз перечитывала эту записку, всматриваясь в почерк: он был чуть неуклюж, но старательно была выведена каждая буква. Она медленно читала слово за словом, пытаясь почувствовать, что же ощущал автор этих строк. Её охватило вдруг чувство равнодушия к Игорю, хотя на него ранее она не обращала никакого внимания. Перед сном, лёжа в постели, Ева, ещё раз перечитала записку и убрала её в томик «Анна Каренина», который лежал на её тумбочке.

На следующий день, на перерыве после первой лекции, Ева и Игорь первый раз заговорили друг с другом. Он испытывал трепет первой настоящей влюбленности – такой, что отчётливо чувствовал, как его пульс ускорился до запредельного уровня, а сердце так и норовило пробить грудь. «Хоть бы это проклятое заикание не перекрыло мне горло» – думал он перед этим.

Что интересно, они вместе учились с первого курса и Игорь никогда не присматривался к Еве, но, почему-то, начал думать о ней на каникулах – перед началом второго курса. С первого сентября он с каждым днём всё больше и больше думал о ней и влюблялся.

– Ева, привет! – быстро и бодро сказал он, стараясь произнести быстрее, чтобы не запинаться. Сейчас он уже по-новому успел немного рассмотреть её лицо. Теперь, впервые за всё время, она смотрела на него по-другому – с некоторым вниманием, а не так как раньше, когда её взгляд никогда не останавливался на нём. До этого момента Ева никогда не замечала Игоря, хотя он был довольно симпатичным парнем с кудрями и высокого роста. Он был намного выше, чем она.

– Привет! – с небольшой паузой ответила она, подумав при этом: «а он интересный...» и мысленно улыбнулась.

– Как дела? – сказал он, тут же подумав: «идиот, умнее ничего сказать не мог?»

– Отлично, вот, читаю «основы сценического движения» – спокойно ответила она.

В его мыслях пронеслось «как же она говорит, её голос...»

– А... Слушай, давай обменяемся телефонами? – не без труда и запинок спросил он.

– Ну, давай... – чуть улыбнувшись, ответила она и опустила глаза, чувствуя смущение Игоря. Ямочки-морщинки на её щеках подчеркивали лёгкую улыбку.

Они записали в своих тетрадях номера телефонов, вдруг прозвенел звонок и он, окрыленный счастьем, быстро пошёл на своё место. Начиналась новая лекция.

Игоря настолько захватила влюблённость, что весь мир и все люди казались ему необыкновенными, хотелось всем помогать: начиная от бабушек в общественном транспорте, заканчивая написанием курсовых работ за лоботрясов одногруппников. Он смотрел на всё через призму своих юношеских чувств к ней. Он видел в Еве что-то уникальное, то чего ему самому было трудно описать словами, но оно притягивало к себе его взгляд. Он хотел смотреть и смотреть на её лицо. В сочетании её глаз, губ и этих впадинок на щеках он находил самое женственное создание в мире.

Он часто звонил ей по городскому телефону, и они долго разговаривали. Когда она приезжала к родителям, то он звонил ей туда. Как-то раз, взяла трубку её мама, и он обратил внимание на то, что голос матери совсем не похож на голос дочери: он был холодным, хоть и доброжелательным. В его голове тогда мелькнула мысль: «как всё же удивительно, от этой женщины родилась такая необыкновенная девушка, интересно, какой у неё отец?».

Игорь по телефону наслаждался голосом Евы, а ей было интересно с ним говорить, спрашивать обо всём: о семье, о привычках, о том, чем он любит заниматься помимо учёбы. Игорь расспрашивал Еву о книгах, так как он знал, что она любила читать, но сам он ленился брать книгу в руки. Ему нравилось просто слушать её – о чём бы она ни говорила.

Всякий раз получалось так, что свидания Евы и Игоря выпадали на плохую дождливую погоду, когда шёл слабый, но холодный осенний дождик, хотя, погода в остальные дни стояла ясная. Как-то раз, когда они неспешно шли по сентябрьскому Ботаническому саду под одним зонтом, Ева держала Игоря под руку и, кидая взгляд на серое небо, задумчиво сказала, как будто бы сама себе:

– Опять дождь... Почему-то, каждый раз, когда мы вместе.

Игорь начинал грустить, думая: «И, правда, в прошлый раз тоже мы в дождь гуляли». Затем он также подумал: «Это выглядит так, как будто даже небо плачет, не желая, чтобы мы были вместе. Но почему?...».

Они шли вдоль речки Каменка, он держал Еву за руку, их пальцы сплетались, он – то сжимал её ладонь, то ослаблял хватку. Затем приподнимал её руку, они оба выпрямляли пальцы и смотрели на союз своих рук. Её ладошка казалась такой маленькой, что она невольно начинала тихо смеяться, ей нравилось чувствовать себя маленькой рядом с ним. А Игорь просто смотрел на неё, для него два часа прогулок с Евой проходили как пятнадцать минут.

Позже они увидели селезней, которые то и дело ныряли с головой в воду, Ева мило хихикала над ними и говорила:

– Знаешь, я очень люблю на уток смотреть. Как-то с подружками мы ходили сюда кормить их.

Но Игоря эти утки почему-то совсем не забавляли, а напротив – навевали грусть.

Прошло немного времени, и Ева начала испытывать к Игорю не только интерес, но и чувство влюблённости: она мало-помалу очаровывалась им и тем, как он на неё смотрит, как слушает, как целует при встрече и на прощание. Встречая или провожая её, например, на станции метро или около её дома, или по утрам в университете. Игорь целовал её в уголки губ, нежно обнимая руками её голову, она нежно обнимала его в ответ, смотрела ему в глаза и по-детски улыбалась.

Когда они заходили в кафе, чтобы вместе посидеть, то заказывали по чашке чая или кофе без ничего, или с чем-нибудь сладким – просто потому, чтобы их не выгнали. Они брали друг друга за руки, массировали пальцы – и могли так просидеть два-три часа. Ему хотелось рассматривать все нюансы её лица, рук, волос – он находил совершенство везде, не только в глазах и губах, но и в плавных изгибах формы носа, бровей. Ему нравилось положить её руки перед собой и рассматривать их: форму ногтей и детали кожи, отмечая места с маленькими родинками или ямочками. Травяной запах её косметического крема, которым, вероятно, она регулярно увлажняла кожу лица и рук, давно и твёрдо ассоциировался у него только с ней самой. На уровне подсознания он полюбил этот крем так же, как и её.

С Игорем Ева первый раз почувствовала – что значит быть любимой кем-то: когда тебя слушают с вниманием и учитывают твоё мнение, когда о тебе заботятся даже в мелочах, аккуратно убирая упавший на кофту волос и спрашивая – хочешь ли ты кофе. Когда знают твои мелкие привычки, помнят то, что ты однажды вскользь упоминала в разговоре, наконец, – когда ты видишь, как в его глазах останавливается время, чтобы дольше тобой любоваться.

В субботу утром они приехали к нему домой на окраину Москвы, родителей не было дома, и квартира была полностью в их распоряжении до самого вечера.

Игорь показывал Еве скромное убранство квартиры и рассказывал о фотографиях молодых родителей и его самого в детском возрасте. Ева слушала его внимательно и с интересом, попутно задавая уточняющие вопросы.

Вдруг в воздухе повисло такое напряжение, справиться с которым молодому сердцу вряд ли возможно, накал влечения Игоря сыпал искрами. Было невыносимо трудно обойти стороной зуд желания обладать тем, кто занимал его мысли и день и ночь.

Его взгляд то и дело задерживался то на её маленькой груди, то на других мягких местах, затем его рука скользнула по её груди вниз и остановилась там, где было уже горячо.

– Стой, прошу тебя... – прошептала Ева, открыв глаза.

– Что случилось? – удивлённо спросил он и замер.

– Только пообещай мне, слышишь, обещай тогда, что мы будем вместе, всегда... – взволнованно сказала она, крепко сжав его руку и снова закрыв глаза. Её сердце настолько быстро билось, что он почувствовал её пульс на сонной артерии.

– Да, верь мне, мы будем вместе... – сказал он быстро, спеша взять её как можно скорее.

Они буквально упали в объятия друг друга. Всё произошло настолько быстро, что минутная стрелка часов не успела пройти и трёх делений. У них обоих это было в первый раз.

На постели не было следов крови от потери девственности, из-за чего Игорь понял, что это был её не первый раз. Его охватили чувства разочарования и досады, он резко изменился в лице и молчал.

– Игорь, ты чего?.. – обеспокоенно спросила его Ева и аккуратно попробовала его обнять.

– Отстань от меня! Нам не о чем говорить. – сухо и строго проговорил он и отёрнул плечо.

Ева вдруг почувствовала себя ненужной, нежеланной и не красивой. Она ощутила себя использованной – внезапно в её памяти явно ожил тот едкий запах школьной сирени, от которого её сейчас тошнило. Сознание Евы мигом перенесло её в ассоциации с прошлым, где она пережила насилие, только теперь – она сама на это согласилась, отчего её изнутри сдавливала боль, одиночество и пустота, которые были готовы похоронить заживо её женственность.

Уже через час Ева ехала в слезах одна в трамвае, идущем до её общежития. Жесткие удары железных колёс трамвая о стыки рельсов отдавались в её теле, а в её ушах сухо и жестоко звучали слова Игоря «Я тебе не верю, мы не можем быть вместе. Ты даже не девочка была уже».

Еву накрыла с головой смесь из чувств стыда и унижения, затем к ним подмешались чувства предательства и обмана – «и всё это в ответ на моё доверие к нему» – размышляла она. Сейчас ей хотелось только одного – лечь в тёплую ванну, но ванной не было в общежитии. Она сидела в трамвае и плакала, упёршись головой в поручень впереди стоящего кресла. «Как легко он отказался от своей любви, от своих чувств... от меня» – думала она, ощущая головой удары от дорожного полотна.

Сердце Евы как бумажная снежинка было изрезано детскими и подростковыми травмами, некоторые глубокие порезы никогда не заживали до конца, а те, что были поменьше – оставили шрамы, которые напоминали о себе.

Сейчас она вспомнила 2005 год, когда окончила девятый класс средней школы и уже перешла в десятый. Тогда её подруга Ира уходила учиться в колледж и позвала Еву на празднование выпускного для девятиклассников. Школьный двор пах зрелой сиренью и свободой, воздух девятого июня был тёплый, влажный и звенел смехом выпускников, обрывками песен и обещаниями «не теряться». Ева ждала подругу, стоя у старых качелей школьного двора. Из актового зала доносилась медленная музыка, в ней уже бился пульс начинающейся взрослой жизни. Ира опаздывала. Выпускники в красных лентах группками тянулись к школе, кто-то размахивал руками, кто-то уже явно был под градусом, шатаясь при ходьбе и пытаясь пьяными неуклюжими движениями трогать одноклассниц за мягкие места.

Наконец Ира прибежала, извиняясь за опоздание, и они обе пошли в актовый зал, где было уже много народу, и громкая клубная музыка сменила прощальную лирику.

Они пили шампанское, пронесённое в здание школы кем-то из учеников, где-то достали даже водку! Еды не было, если не считать крекеров. После примерно двух часов танцев и выпивки Ира прокричала Еве, что она уходит с её парнем во двор на улицу и Ева продолжила танцевать уже одна.

К ней очень быстро подкатил какой-то одиннадцатиклассник и они начали вместе двигаться под какую-то медленную песню «Руки вверх». Когда песня оборвалась, Ева и одиннадцатиклассник мельком познакомились и пошли подышать свежим воздухом, – к чёрному выходу на задворки школы. На улице было уже темно, выйдя, её новый спутник поприветствовал своих двух друзей, – они были явно старше и уже не школьного возраста. Не успела Ева рассмотреть этих двоих, как один подошёл к ней и резко повалил её на землю, после чего она тут же была перемещена за ближайший большой куст сирени. С её груди жёстко сорвали ожерелье из жемчуга, что когда-то дарила ей мать. Бусины разлетелись далеко в разные стороны...

Тяжёлая и горячая рука, накрыла её рот, заглушив начинающийся крик, сирень внезапно пахла химической горечью, громкая танцевальная музыка из уличных колонок превратилась в далёкий и бессмысленный гул – как будто под водой, который смешался со звоном в её ушах. Ева впала в оцепенение, чувство беспомощности охватило остатки её мутного сознания. «Это происходит не со мной», – мелькнуло в её голове... Ева испытывала смешанные физические и психологические ощущения – отвращение и боль, тошноту и онемение в теле...

Она ни о чём не рассказала родителям. Более того – ни родители, ни сестра, ни брат – никто ничего не знал о произошедшем. Она держала все переживания в себе, пытаясь как-то с ними справиться.

В милицию Ева также не подала заявлений на подонков, хотя испытывала к ним отчаянную злость вперемежку со страхом. Она боялась, что её найдут, отомстят и будет ещё хуже.

Очень скоро в ней развились чувства стыда и вины за произошедшее. Она винила в случившемся себя. Позже её накрыли страх и тревога, панические атаки, ночные кошмары долго не отпускали, ей снился тёмный подвал, где цвела сирень, в этом подвале она стояла на полу босиком и чувствовала дикий холод. Иногда она говорила во сне отдельные слова «зачем», «урод», «не знаю», «пусти» и так далее.

Ева старалась не думать о случившемся, избегала разговоров, мест, людей, напоминающих ей о травме. Она часто чувствовала себя одинокой и надолго потеряла доверие к людям.

Оставаясь ранимой и нежной внутри, со временем её внешний образ становился строже. Она думала, что защиты и поддержки ждать, по сути, не от кого и нужно самой защищаться от этого жестокого мира.

Долго Ева не хотела начинать каких-либо отношений с мужчинами, хотя те, кто был смелее и увереннее в себе – за ней пробовали ухаживать, но и этим решительным смельчакам она давала отворот-поворот.

Кто-то, видя её природную красоту и сдержанность в поведении, даже не пытались заговорить с Евой, думая: «такая наверняка уже занята» или «ей нужен только миллионер». Редкая женская красота без всяких оговорок, не то чтобы отпугивает многих мужчин, – она просто-таки ставит их в некое замешательство: многим тяжело долго смотреть на совершенство и находить в себе силы начать разговор, – проще продолжить считать себя «недостаточно хорошим» и бояться отказа. Часто мужчины чувствовали себя неуютно рядом с Евой из-за собственных комплексов, постоянного сравнения себя с другими, опасаясь, что её будут «отбивать».

Когда уже во ВГИКе Еве попадались адекватные и видные парни, то в дело вступала зависть однокурсниц: распространение сплетен набирало обороты. Порой, запускались лживые слухи, что якобы, «она гордячка и слишком высоко задирает нос», «уже с половиной факультета переспала» и так далее. Были также попытки дискредитировать потенциальных женихов в её глазах, но не все они были удачные.

Попадались и те, кто относился к Еве как к «трофею» или «украшению», а не как к личности, лишь преследуя цель завоевать её, а не строить серьёзных отношений, ведь для таких мужчин она была вызовом их эго и самолюбию, или «призом».

После близости с Игорем она старалась никогда больше не смотреть на него в университете и не встречаться с ним глазами, стараясь вычеркнуть его из своей жизни, хотя, давалось это нелегко.

А вот Игорь, напротив – часто смотрел на неё. И впоследствии часто вспоминал, думал о ней, иногда подолгу всматриваясь в её фотографию, которую Ева ему когда-то подарила. О чём были мысли и чувства Игоря в эти минуты – неизвестно. Возможно, он вспоминал их дождливые свидания, или уток на речке.

Кто-то из великих сказал, что в дружбе между мужчиной и женщиной видятся отношения или бывших любовников, или будущих, считая, что такой дружбы не существует. Другие думают наоборот, но при условии, если оба уже кого-то любят. А третьи уверены, что такая дружба – всего лишь консервы из страсти, нежности и ласки, до которых дело дойдёт в голодный год.

Всеволод, лёжа в постели с Анной, взглянул на настенные часы, они показывали 9 ч. 31 мин. Сегодня был первый день его очередной рабочей поездки, на этот раз в Санкт-Петербург, партнёр по бизнесу его пригласил поучаствовать в Петербургском международном экономическом форуме, который в этом году проходит с 3 по 6 июня.

– Ань, слушай, сегодня ночью снится мне сон: в мою фирму, на точку сбыта, приходят с контрольной закупкой сотрудники полиции. Так вот, мало того, что менеджер принял у них доллары, так он ещё не выкатил им фискальный чек! Дальше, находят они на столе у главбуха моего тетрадь, на которой крупными буквами написано: «ЧЁРНАЯ БУХГАЛТЕРИЯ». От неё, значит, требуют написать объяснение, угрожают уголовной ответственностью за отказ от дачи показаний, ну она в объяснении и пишет: «Обычно книгу «Чёрная бухгалтерия» я храню дома, но сегодня директор сказал принести ее на работу, чтобы провести какие-то операции. Понимая преступный характер деятельности нашего предприятия, я раскаиваюсь и прошу не привлекать меня к уголовной ответственности» – Представляешь! – эмоционально и со смехом сказал он, ожидая от Анны удивления и такой же реакции.

Но Анна только посмотрела на него любящими глазами, и еле заметно улыбнулась. Это была любовница Всеволода.

Анна была младше его на два года и старше Лилии на год. Если Всеволод относился к супруге с уважением, то Анну он любил по-настоящему. Они познакомились ещё в далёком 1991 году, когда ему было тридцать, а ей двадцать восемь. В период осеннего межсезонья он сильно простудился и, лёжа дома с температурой, ждал врача. Молодая жена и мать хлопотала по дому, ухаживала за почти годовалым Веней и, по мере надобности, за больным мужем. Восемилетняя Люда и трёхлетняя Ева были отвезены к бабушке на дачу в Подмоскovie, чтобы не глотать бациллы, а Веня был изолирован от больного в отдельной комнате.

Прозвенел звонок в дверь, чуть погодя лежащий в температуре Сева услышал лёгкий стук женских каблучков и нежный голос:

– Здравствуйте, скажите, где можно помыть руки? И, принесите ложечку, пожалуйста – негромко прозвучал из прихожей мягкий женский голос врача.

Сева невольно сравнил этот голос с голосом жены, который теперь ему казался каким-то сухим, и даже прохладным.

– Та-ак, где у нас больной? – протяжно произнесла врач.

– Проходите – Лилия указала рукой в сторону гостиной и снова каблук негромко застучали по старому паркету. Врач вошла в гостиную и неторопливо сказала:

– Ну, здравствуйте, на что жалуетесь, как сейчас вы себя чувствуете? – для Севы её вопросы прозвучали так, будто она совсем не торопилась, как это обычно бывает, а даже наоборот.

Начала говорить Лилия:

– Температура 38.5 была сутра, кашель сильный начался вот вчера...

Всеволод резко прервал жену, чуть привстав с дивана, как бы, желая показаться миловидной девушке не таким беспомощным и больным, и проговорил:

– Лиль, дай мне самому сказать. Смотрите: позавчера я в гараже машину ремонтировал, ну полежать пришлось немного под ней, да оделся я не сильно тепло, но было не так холодно вроде...

– Что вас беспокоит помимо высокой температуры и кашля? – обратилась к Всеволоду врач. Она оценивающе взглянула на больного, чуть наклонив голову в его сторону, её прямая осанка в этот момент чуть сникла. Врач взглядом коснулась сначала его лица, потом груди, затем снова остановилась на лице.

Сева уловил все эти нюансы её движений тела и глаз, почувствовав некое смятение, отвечал:

– Да так... собственно, больше ничего. – делал вид он, что, якобы, не так уж и сильно болен.

Тут в разговор вклинилась жена:

– Ой, слушайте его больше! Слабость у него сильная – тяжело ему. Вчера весь день тоже пролежал, и трясся весь от озноба как осиновый лист, – сказала Лилия и поспешно добавила:

– Ой! я сейчас принесу табуретку, а то вам даже присесть некуда. Лилия вышла из гостиной в комнату.

В воздухе повисли секунды неловкого молчания.

Лилия вернулась с табуреткой в руках и предложила врачу присесть.

– Спасибо, но сначала я осмотрю пациента, а потом уже сяду, напишу рекомендации по лечению. – любезно сказала она.

– Поднимитесь, пожалуйста, посмотрим ваше горло и послушаем, что там с лёгкими, – официально обратилась врач к Всеволоду и подошла ближе к дивану.

Больной привстал с дивана и сел. Врач попросила его шире открыть рот и внимательно осмотрела горло и помощью чайной ложки, аккуратно надавливая на язык. В конце осмотра покрасневшего горла она мимолётно заглянула ему в глаза и тут же отвернула взгляд, затем убрала ложечку с языка и, видя, что больной продолжает сидеть с открытым ртом, осторожно и мягко коснулась подушечками пальцев его подбородка. Пациент, не ожидая такого поворота, тут же закрыл рот, отвернулся и начал кашлять, невольно пытаясь переключить внимание супруги.

– Так, теперь нужно вас послушать, есть ли хрипы, надеюсь, что это не воспаление лёгких. – сказала она.

Выпрямив осанку, она чуть запрокинула голову и обоими руками собрала волосы, вставив привычным движением себе в уши фонендоскоп, принялась слушать спину и грудь Севы. Лилия наблюдала молча.

– Похоже, что у вас бронхит – официальным тоном заключила врач. – я выпишу рецепт на антибиотик и ещё некоторые препараты, они не дорогие. Также необходимо обильное питьё, постельный режим и полоскания фурацилином. Через неделю нужно будет явиться в поликлинику на осмотр и сдачу крови натошак.

Она составила рецепт на антибиотик, написала список лекарств и периодичность их приёма, попрощалась и быстро ушла.

Пока Лилия собиралась идти в аптеку за лекарствами, Сева встал с дивана и взял в руки рецепт, чтобы посмотреть почерк и прочитать её имя. Почерк был малоразборчивым, как это водится у людей врачебных профессий, но изящным и округлым. Внизу стояла печать поликлиники и штамп «Овчинникова Анна Сергеевна». «Какие складные фамилия и имя» – подумал он.

С этого дня Всеволода не отпускали мысли об этой Анне Сергеевне, он ждал назначенной даты посещения поликлиники и добросовестно начал лечиться, чтобы через неделю явиться на приём в более лучшем виде.

Его мысли настолько были заняты ей, что в одну из ночей он увидел во сне, будто он приходит в поликлинику, заходит в кабинет к терапевту, а к нему выбегает Аня, прыгая в объятия, она нежно говорит: «А вот и наш папа пришёл! Севушка, мы тебя с Евой так долго ждали!». Дальше Всеволод видит вместо письменного стола и кушетки для пациентов щедро накрытый стол, шампанское и две белых зажжённых свечи, а за столом сидит маленькая Ева и, обращаясь к ним обоим, говорит: «Мама, папа! Ну, идите уже за стол!». На этом Всеволод проснулся. Он был под таким впечатлением от реальности увиденного сновидения, что целый день думал о нём.

У Севы и Ани завязался роман. На момент их знакомства в 1991 году Аня была вдовой уже как пять лет, её бывший муж был старше её на семь лет, добрый человек с золотыми руками, например, он мог изготовить буквально из подручных нехитрых предметов хорошую вещь, которую можно было взять в руки и любоваться: шкатулку из полена, предметы мебели из обычных досок, мог сам отремонтировать почти любую технику. Они жили в доверительных отношениях, но без сильных чувств к друг другу. Прожив вместе три года, произошло несчастье – его настиг фатальный инсульт.

Всеволод и Анна начали встречаться. По началу, его мучала совесть, особенно в минуты близости с женой и возни с детьми. Всеволод смотрел на бытовые хлопоты ничего не подозревающей супруги и на маленьких наивных детей, которые по умолчанию доверяли ему, – и ему вдруг становилось стыдно. Но шло время, и он как-то начал привыкать к ведению двойной жизни.

В дни свиданий он приходил домой поздно, по несколько часов проводя с Аней либо у неё дома, либо где-то в нейтральных местах, где можно было поговорить, и погулять. Когда же Лилия уезжала куда-то по делам, она брала с собой старшую дочь, а маленький Веня гостил у бабушки, Еву же оставляла на мужа.

Всеволод, окрылённый любовью к Анне, не мог свободно поехать к ней домой и, не выдерживая разлуки, придумал взять Еву с собой, говоря ей:

– Дочка, чего нам с тобой дома сидеть, поедem лучше к тётe Ане, она тебя угостит чем-нибудь вкусеньким.

– Поехали, пап – отвечала Ева.

– Ева, только ты ничего не говори маме. Ты же будешь молчать, да? Пусть это будет нашим секретом.

– Не скажу. Пап, а там будет интересно, да? – ободрившись с интересом спросила она?

– Да, там очень интересно и весело будет, вот увидишь!

Ева всегда любила разные поездки куда-либо, главное, чтобы поездки были с отцом. Но к Анне она ехала первый раз и с ней, естественно, была не знакома.

Анна открыла дверь квартиры и, улыбаясь удивившись дочке Всеволода, сделала вид, что они давно знакомы. К приходу гостей Анна сделала укладку и надела праздничное синее платье, а поверх него был накинут кулинарный фартук. Она тут же любезно предложила им войти в дом:

– Пожалуйста, мои вы хорошие, проходите скорее, давайте, давайте – заботливо и быстро сказала Анна. Она приняла у них верхнюю одежду и развесила её в гардеробе.

Уже с порога Ева почувствовала очень приятный и вкусный аромат яблочного пирога. В квартире Анны было светло и чисто, вещей было немного и ничего нигде не валялось, порядок скромного убранства был подчеркнут ещё с прихожей, где не стояла уличная обувь – для неё был отдельный шкафчик в коридоре за дверью.

– Та-ак, хороший мой, давай знакомиться, я тётя Аня, а тебя как зовут? – ласково и с лёгким умилением произнесла она, присев на корточки перед девочкой.

– Ну, не стесняйся, дочь, скажи тёте Ане – подтолкнул отец её к разговору.

– Ева – ответила спокойно она, глядя на большое жемчужное ожерелье у Анны на груди.

– Ой, какое красивое имя, ну вот мы и познакомились. Так, проходите ручки мыть – и за стол – заботливо велела им Анна.

Они сели за стол и пили чёрный чай с мятой, который был заварен в фигурном царском чайнике начала XX века, оставшимся ещё от бабушки Анны.

– У-у... какая вкусная и сочная шарлотка у тебя, Анна Сергевна – с удовольствием отметил Всеволод – я такой никогда не ел, сочная такая...

– Спасибо большое, так приятно... – смущённо улыбаясь, сказала Анна, и тут же обратилась к Еве:

– Ева, малыш, как тебе пирог? Принести тебе варенья? Чего тебе ещё хочется? – спросила она, заботливо наклоняясь к девочке.

– Очень вкусно, а можно ещё? Протянула ей тарелку Ева.

– Конечно можно! Я тебе ещё дам земляничного варенья, есть у меня немного – Анна начала искать варенье и, найдя его в холодильнике, положила ребёнку несколько ложек:

– На, попробуй с чайком, ягоды вкусные очень – подала она блюдце Еве, погладила её несколько раз по головке и потрогала за плечико.

– Сев, а тебе ещё положить что-нибудь? – участливо обратилась она к нему.

Ева тут же скушала всё варенье, попросила добавки, а потом доела второй кусок пирога.

Всеволод наблюдал за тем, как Анна хлопочет на кухне, подмечая разные тонкости в её бережном и тёплом отношении и к его дочери к нему самому. Анна смотрела то на Еву, то на него с такой неподдельной лаской и любовью, что ему на мгновение показалось, что она Еве как мать, даже лучше, чем мать. В Лилии такой любви и нежности ни к детям, ни к себе он ни разу не видел. Да и не чувствовал.

Всеволод и Ева периодически бывали вместе у Анны. Еве очень нравилось гостить у неё: она чувствовала много любви и ласки в свой адрес, и даже невольно училась у Анны проявлениям изящной и неподдельной женственности, которую она пронесёт через всю свою жизнь.

Лилия же узнала о существовании Анны только спустя целых десять лет – в 2001 году, так как Ева молчала. В очередной раз она собирала вещи для химчистки и, проверяя карманы, нашла в пиджаке Севы вдвое сложенный конверт – в нём лежало письмо от Анны. Лилия, скорее всего, не обнаружила бы его и не заострила бы на конверте внимание, если бы он не был щедро надушен женским парфюмом, причём очень недешёвым Joy от Jean Patou – она запомнила этот шикарный аромат, когда пробовала его в магазине беспопытной торговли во время прошлогодней совместной с мужем поездки в Испанию. Тогда она не могла себе позволить отдать за маленький флакон восемьсот долларов. Лилия, конечно же, достала письмо из конверта и прочла его:

«Знаешь, милый Севушка, я поймала себя на мысли, что какое же это счастье – просто быть рядом с тобой. Пишу тебе без конкретной цели, я просто хотела ещё раз сказать, что

бесконечно тебя люблю. Люблю не за что-то, а вопреки всему. За каждый день, проведённый с тобой, я благодарна Судьбе, моё счастье лежит в твоей тёплой руке. А ещё спасибо тебе за твою любовь, она для меня – что земля под ногами. Спасибо за то, как ты смотришь на меня, в твоих глазах я вижу поддержку, которая крепче любых объятий. Я так люблю наши тихие вечера, обожаю гладить твои волосы и смотреть на тебя, когда ты засыпаешь. Знаешь, пусть будет у нас не какая-то идеальная картинка наших отношений, а именно та, которая у нас есть – реальная и живая. Севушка, когда ты рядом со мной, то я чувствую, что могу быть просто собой со всеми мыслями и глупостями. Я безумно жду нашей встречи, когда ты приедешь из Италии. Хочется скорее обнять тебя, и почувствовать, как бьётся твоё сердце – это мой самый любимый стук на свете. Твоя Аня».

Дочитав письмо, Лилия небрежно бросила его на стол.

«Ах, вот откуда у неё появились эти духи...» – подумала Лилия, и медленно сев на край дивана, закрыла своё лицо руками.

«Сильнее, чем измен, я всегда боялась узнать об изменах и обманывала себя» – крутилось в голове Лилии. «Или просто боялась признаться себе все эти годы в том, что если и было что-то между нами, то оно уже давно ушло» – продолжала она размышлять. Лилия сама не поняла, в какой момент они с мужем отделились и стали друг для друга просто людьми, живущими в одном доме. Она не хотела признавать даже вероятность того, что частые поездки «по работе» и отсутствие мужа дома вполне могут быть связаны с другой женщиной, до последнего не верила в худший сценарий и не желала видеть реальное положение дел. Она просто старалась отвлечься: пробежками в сквере, поездками по магазинам и походами в салоны красоты.

– Кто она? – тихо, быстро и отрывисто спросила Лилия мужа. Её взгляд был направлен в пол. – Как давно это всё началось? Это одна женщина или их было несколько? – я хочу знать – Лилия поняла, что эмоции начинают брать верх. – Сева! Ты же мне чуть ли не клялся в любви когда-то, ну вспомни! – раздражённо плача прокричала Лилия, в руках она нервно вертела карандаш, пытаясь справиться с сильным стрессом.

Всеволод молчал и, серьёзно глядя в окно, хмурил брови, глубоко вздохнул, подошёл к бару и взял большую бутылку виски за горло:

– Лиль, может, выпьем? Ты что будешь? – тихо и чуть заискивающим тоном предложил он, обернувшись на супругу.

– Ты как всегда уходишь от ответа... – с горечью сказала она.

– Я не считаю, что стоит вообще обсуждать эту тему. Я не ушёл из семьи – и этим всё сказано, – сухо ответил он, а спустя полминуты, сменив свой холодный тон голоса на заговорческий, добавил:

– И потом... не хотел тебе об этом когда-либо говорить, но... тогда я тебе не препятствовал в твоих с Надеей договорённостях. Другой бы на моём месте – ни за что не позволил бы...

Лилия смотрела на него розовым от возбуждения лицом, белок её глаз тоже покраснел от слёз, мимика не выражала никаких эмоций, но было видно, что она находилась в сильном напряжении. Лилия медленно закрыла глаза и по левой щеке скользнула очередная слеза:

– Ты, знаешь, я старалась верить тебе... никогда не просила объяснений. Лучше уж верность без слов, чем измена с клятвой! – медленно и громко проговорила она последнюю фразу, затем швырнула карандаш на пол, и быстро вышла из гостиной в комнату, с хлопком закрыв за собой дверь.

Всеволод опустил голову и поставил бутылку обратно. Тяжело вздохнув и задумавшись о чём-то, он расслабленными и тяжёлыми движениями взял тумблер (стакан для виски с толстым дном), свернул пробку с бутылочного горлышка и налил напиток, оставив место для льда, чтобы сделать виски «рокс». Держа стакан виски со льдом, он залпом выпил, завалился на

диван, чувствуя такую усталость, как будто разгружал вагоны, на ум ему почему-то пришла строчка из Ремарка: «Любовь не терпит объяснений, ей нужны поступки».

После того, как Лилия узнала об Анне, её обуревало чувство ревности, ведь оно рождается из желания быть любимым, а не ревнуют те, кому ваша любовь не нужна. Следом она погружалась в пустоту: ей казалось, что мир вдруг стал серым и враждебным, холодный жар предательства и унижения подступал к груди. Её мысли путались в клубке прошлых событий и мелких фактов: в голове прокручивались эпизоды ссор, странных отъездов и отсутствий мужа дома – всё виделось уже в ином свете.

Забавно то, что, если бы самому Всеволоду пришлось узнать об изменах жены – он, скорее всего, собрал бы вещи и ушёл к любовнице. Но Лилия смирилась, насколько возможно, с вновь открывшимся фактом и сильнее отстранилась.

Так начался новый в этап в жизни Лилии, где больше не было места страшным тайнам мужа. Но пока что не тронутый оставалась – их общая тайна.

Глава III

Пока тебе везёт – ты не
чувствуешь себя дураком.

– Вадос, привет! Ты же ещё хочешь себе Mustang взять? – довольно и со значимостью бизнесмена в голосе начал Венья.

– Привет, ну да, а чё? Денег сейчас всё равно нет таких. Задумка какая-то есть? – зевая, ответил Вадик.

– Смотри, есть тема, короче, не по телефону. Сегодня свободен вечером?

– Ну, да, пока свободен. – сонным тоном ответил он.

– Подкатывай тогда в «Пафос» на Тверскую, к шести давай, окей? – предложил Вениамин.

– Давай, давай, окей. – ответил Вадик и прекратил разговор.

К шести часам вечера Венья и Вадик сидели на втором этаже ресторана на Тверской улице, это была бывшая усадьба Салтыковых, интерьер заведения был выполнен в стиле курортной виллы Санторини. Они заказали себе по хайболу «Восходящее солнце».

– Смотри, в общем, такое дело есть: людям нужно легализовать доход... – только начал Венья, как его тут же перебил друг:

– Это чё, «отмывание» бабла что-ли?! Я-то тут причём? – с некоторыми возмущением возразил Вадик.

– Дослушай сначала, нафиг ты перебиваешь сразу?! Короче, «отмывание» – это так в девяностые говорили, сейчас это легализация. И что это за деньги – меня, если честно, не волнует. Идея такая – ты регистришься как индивидуальный предприниматель – за «долю в деле», остальное я сам сделаю.

– Ага, а ты-то чё будешь делать?

– Будет у нас агентство по организации и подготовке фотосессий. Заключаем фиктивные договоры с нашими клиентами – ну, с тем, кому нужно, как ты сказал «отмыть» деньги, далее они оплачивают оказанные нами на бумаге услуги. Дальше эти средства кидаем по счетам, ну платим зарплаты там и, главное – инвестируем основным оборотом в недвижку через подставных лиц. Вот и всё – чистые деньги возвращаются к их владельцам, а мы с тобой получаем процент от оборота.

– И сколько? – со скепсисом в голосе спросил Вадик.

– Четыре процента пополам: два – мне, два – тебе.

– А суммы, суммы-то какие будут? Есть понимание? Риски опять же?

– Объёмы пока неизвестны точно, но не десятки миллионов, естественно... Риски? Да никаких рисков нет тут. Короче, я там всё разужнаю в деталях – как и что, и тебе потом надо будет зарегистрировать ИП. – сказал Веня и приложился к бокалу.

– Ладно, давай узнавай, сколько это будет – два процента. Наберёшь мне потом. – небрежно и с некоторым недоверием сказал Вадик.

После двух порций алкогольного коктейля Вадик заказал себе такси, а Веня укатил на своём любимом Porsche 911.

Если Людмила была гедонисткой, то её брат Вениамин – сибаритом, что по смыслу не так далеко одно от другого. В Российской Империи XIX века его называли бы повесой, а во Франции – фланером. Веня с юношества имел пристрастие к роскоши, пользовался дорогими вещами и аксессуарами, но ещё больше он был озабочен имитацией этой роскоши. Спустить все деньги за раз непонятно на что и не жалеть об этом – это про него.

Но он не был хозяином своего благосостояния, так как часто финансово зависел от отца, ему было проще играть привычную роль легкомысленного молодого аристократа, обманывать и себя и окружающих, умалчивая об источниках дохода, пускать пыль в глаза нетворкингом, благодаря которому он легко коммуницировал с «нужными людьми» разного уровня. В его списке контактов всегда находился уникальный «ценный человек» для решения разных вопросов (или чаще – только попыток их решения).

В компании отца Вениамин числился на должности заместителя директора по общим вопросам и занимался, по сути, непонятно чем – разными нестандартными поручениями и прочей ерундой. Часто его девизом во взаимоотношениях с коллегами был принцип: «я за вас свою работу делать не буду».

Веня не привязывался к вещам надолго, как и к людям, но свой автомобиль он обожал настолько, что публикации в его социальных сетях и каналах пестрили сторисами и фотографиями из разряда «я и моя машина». Он всегда находил случай засветить себя на фоне своего спорткупэ, кичась статусом, хотя, таким как он – следовало бы больше любить людей и пользоваться вещами, а не наоборот.

Мания к эстетическому удовольствию и комфорту шла впереди всех черт его характера, среди которых были такие как: нетерпеливость, высокомерие и позёрство. Пользоваться статусными материальными благами, на которые он сам не зарабатывал, для него было так же естественно и привычно как дышать воздухом. Но, надо отдать должное, Веня был не только пафосным лоботрясом или лодырем. Например, он мог видеть возможности там, где другие натывались на препятствия, потому что не был воспитан в атмосфере страха, не боялся неудач и личных финансовых потерь, не желая «считать копейки».

Порой, в его голову приходили, поистине, безумные идеи, приводящие к провалам, но его нестандартное мышление (особенно за бутылкой какого-нибудь изысканного крепкого алкоголя) иногда могло приводить в итоге к результатам. Только было одно «но»: Вениамин был склонен к нелегальным или полунелегальным схемам заработка.

В том «бизнесе» по организации фиктивных фотосессий ему и его партнёру Вадикy крупно повезло – в целом всё прошло гладко, проверки финансовых и следственных органов их миновали. За полгода молодые гении-предприниматели заработали где-то по четыре с половиной миллиона рублей, Вадик исполнил мечту и купил себе свежий Ford Mustang, ну а Веня просто беспечно тратил деньги на бренды и атрибуты респектабельной жизни. Вскоре компания-инвесторы разорвали с ними отношения без объяснения причин, возможно, желая сменить напарников для обеспечения своей безопасности.

После такого триумфа Вениамин осмелел и придумал новый стартап «на миллион» – уже без третьих лиц и знакомых, чтобы не было нужды делиться прибылью. По своим многочис-

ленным связям и контактам, через третьи руки он договаривался с некими не известными ему состоятельными людьми на новую схему.

Речь шла об оформлении на Вениамина как на подставное лицо с целью перепродажи довольно крупных московских объектов коммерческой недвижимости, приобретённых на средства криминального происхождения.

Веня был лишь одним из звеньев длинной цепочки, однако, не понимал в данной схеме простую вещь – если финансовые контролирующие органы и спецслужбы выйдут на какое-либо одно звено, то схлопнуться может вся цепь, которая загремит под уголовную статью об «отмывании» денег, а Вениамин пойдёт по ней как соучастник.

Кроме того, если бенефициары как реальные собственники недвижимости внезапно исчезнут или станут недоступными, то Веня как формальный собственник – окажется в ловушке: любой его конфликт с так называемыми «работодателями» может привести к шантажу, или просто оставлению его один на один с проблемами – как с налоговой службой, так и со следователями.

Но пока что беззаботный Веня получал от жизни кайф. Он приходил на работу в фирму отца к одиннадцати часам утра, пил раф с ликёром, заигрывал с молодой секретаршей, шатался по офису, заглядывал с деловым видом в мониторы компьютеров менеджеров по продажам, давая понять «кто тут главный», а потом мчал на своём девятьсот одиннадцатом в неизвестном направлении снимать новые видосики для сторисов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.